

**ДУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
У ПРИВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ**

Историки и этнографы всегда интересовали вопросы, связанные с исследованием принципов и форм организации древнейших человеческих обществ. Неизбежные трудности, связанные с восстановлением картины ранних стадий развития, успешно преодолевались путем анализа различных общественных структур, имеющих между собой сходство в основных чертах. Точно так же выяснялся и вопрос о развитии дуальной организации¹.

В данной статье на основе общеисторических материалов и архивных документов по истории и этнографии приволжских калмыков² предпринята попытка выяснить роль каждой из сторон дуальной (триадной) организации в жизни кочевых обществ и на примерах истории приволжских калмыков раскрыть ее роль в становлении классовых отношений у кочевников. Автор придерживается точки зрения, согласно которой становление и развитие классовых отношений у кочевников есть результат синтеза внутренних, спонтанных процессов классовобразования и воздействия более прогрессивных способов производства оседлой среды. В предлагаемой статье рассматриваются лишь некоторые стороны внутренней феодализации кочевого калмыцкого общества, связанные с местом и ролью дуальной (триадной) организации в жизни кочевых обществ.

К. Маркс писал, что у кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино: это общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий их образа жизни³. Исследование форм субординации внесет, на наш взгляд, определенный вклад в выяснение закономерностей и особенностей процесса классовобразования у кочевых народов⁴.

К сожалению, дуальные формы общественной организации пока еще не учитывались при определении характера общественного строя кочевников. Исследователи не шли далее утверждения о делении кочевых народов на части: крылья, руки, стороны⁵. Деление племен, в том числе

¹ См. Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен.— Проблемы докапиталистических обществ. М., 1935, № 9—10.

² Широко привлекая и вводя в научный оборот материалы Центрального государственного исторического архива СССР (ЦИАИ СССР), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦИА ГССР), Центрального государственного архива Калмыцкой АССР (ЦИА КАССР), Государственного архива Астраханской области (ГААО) о кочевниках-калмыках, автор стремился тем самым преодолеть одну из основных трудностей, стоящих перед исследователями истории кочевых обществ, а именно недостаток источников для исторической реконструкции классовобразования у кочевников и особенностей их общественного строя. См.: Першиц А. И. Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов.— В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976, с. 287.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 480.

⁴ Изучения этого вопроса требует прежде всего дискуссионный характер проблемы общественного строя кочевых народов. Краткие историографические обзоры проблемы см.: Семенов Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1974, с. 9—16; Першиц А. И. Указ. раб., с. 280—287; Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Алма-Ата: Казгосиздат, 1971, с. 30—32 и др.; Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 286—295, и др.

⁵ Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. Theil I. Spb., 1776. Успенский В. Страна Куко Нор или Цан Хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. Спб., 1880, с. 11; Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. Одесса, 1880, с. 222, 223—224; Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 135, 149. Таков же подход к данному вопросу и у других авторов. См.: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983, с. 21, и др.

и кочевых, на две половины — явление чрезвычайно распространенное и известное с древнейших времен⁶. Членение войска на два крыла мы находим в свидетельствах Рашид-ад-дина, Алтан Тобчи и в других сочинениях⁷.

Этнографические и исторические факты позволяют утверждать, что, занимая определенное место в дуальной организации, ее части пользовались особыми правами, исполняли отличные друг от друга обязанности, нередко имели особые привилегии. Принадлежность к той или иной части улуса, орды, аймака свидетельствовала о конкретном социальном-политическом статусе человека. Причем весь информативный материал дает основание выделить правую часть (*барун*) как более важную по сравнению с левой (*зюн*). Так, даже в юрте кочевников почетное правое место всегда занимал ее хозяин — мужчина⁸. Почетным же местом считалась правая сторона на курултаях, торжествах, приемах, в ставках. Свидетельства этому легко обнаружить в калмыцком народном эпосе «Джангар». Так, когда правого круга глава попросил сказать о своих подвигах Хонгора, тот ответил:

Если в правом сидящем кругу
Не задавали вы Джангару вопросов пока,
Как же я с левой своей половины могу
Спрашивать...?⁹

На почетной правой стороне располагались кибитки калмыцких зайсангов при временной остановке аймаков на кочевке¹⁰. В состав правого крыла (*барун гар*) монгольского войска (народа) входили *отоки*, состоявшие из старейших подданных владельческой ставки, связанных между собой ближайшим родством. Эти отоки при всех перекочевках, в мирное и военное время, всегда держались направо от ставки владельцанойона. К левому крылу (*зюн гар*) относились отоки, по родству принадлежавшие к другим племенам, и как союзники, входившие в состав улуса в результате завоевания или же вследствие каких-либо других причин¹¹, то есть те, кто находился в определенной зависимости или от владельцев улусов, или от древних «родственных» отоков.

Однако в положение зюн становились и родственные племена, если создавались для них неблагоприятные обстоятельства. Известно, что монгольское племя бахрин после поражения и убийства его предводителя получило на курултае место на левой стороне (зюн). Источники же утверждают, что ранее это племя, подобно своим родственникам — конгуратам, найманам, джалаирам, уйшунам и другим, «сидело и бывало на правой стороне»¹².

Вполне возможно, что корни дуальной организации племен уходят в далекое прошлое. В период всеобщей экзогамности родов в ее оформлении сыграли важную роль гентильные связи. В дальнейшей эволюции этого института преимущественное значение получали уже социально-экономические и политические связи и отношения. Известно, как строго придерживались принципов экзогамности дербетовские, торгоутовские и хошоутовские нойоны. Ф. Энгельс даже считал, что Мак-Леннан¹³ доказал наличие у калмыков родовых отношений¹⁴. Но несмотря на су-

⁶ Толстов С. П. Указ. раб., с. 27—28; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950; Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург, 1887, с. 17, 99, и др.

⁷ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.—Л., 1952, с. 76, 87; Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). М.: Наука, 1973, с. 156.

⁸ Путешествие в Восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 92, 94.

⁹ Джангар. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971, с. 144, 213 и др.

¹⁰ Информация Ц. К. Корсункиева (Элиста, Калмыцкая АССР, 1979).

¹¹ Леонтович Ф. И. Указ. раб., с. 222.

¹² Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.—Л., 1941, с. 207, 208.

¹³ McLennan J. F. Primitive Marriage. Edinburg, 1865, p. 74—80.

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 21, с. 130.

ществование родственных отношений по женской линии и острейшие политические столкновения, в целом дербетовские, торгоутовские и хошоутовские улусы так никогда и не стали в положение зюн-барун, поскольку каждому из этих политических объединений удавалось сохранить независимость, самостоятельность. Если же часть из этих улусов и попадала фактически в положение зюн, то не в результате родственных связей, а вследствие политических междоусобиц.

Беспрерывные столкновения заставляли расширять сферу контактов и толкали многие роды и даже племена к объединению, к поиску союзников для обороны или нападения. Более могущественные из них, подчиняя силой оружия или посредством договорных отношений тех, которые были слабее, ставили их в положение определенной политической, а возможно, и экономической зависимости. С другой стороны, остаточные традиции, продолжавшие еще действовать правила экзогамии, необходимость ее сохранения требовали поддержания в чистоте и неприкосновенности устоев и традиций племени (рода) победителя¹⁵. Дальнейшее включение чужеродных элементов грозило самому существованию рода. Временный выход нашелся в выделении зависимым, патронируемым племенам особого места, но в рамках уже относительно единой родо-племенной структуры, что, впрочем, лишь отсрочило развязку. Постепенно дуальная композиция древних обществ, основанием которой служили родственные, экзогамные общественные связи, начала уступать место такому же построению, но базировавшемуся уже на территориальном, социально-политическом делении с вытекающими отсюда последствиями переходного периода.

Значит ли это, что подобный исход был возможен при подчинении только этнически чужеродных родов и племен? Нет, сама система взаимоотношений между родами, обусловленная определенными факторами, обычаями, договором, наконец, традицией, претерпевала существенные изменения. В силу исторических обстоятельств, например борьбы за условия существования, т. е. за кочевья, в результате конфликтных ситуаций на имущественной основе при заключении брачных союзов вследствие определенных естественно-географических и внешнеполитических факторов одни роды начинали выделяться в хозяйственном и политическом отношении и подчинять себе более слабые объединения. И подтверждение этого процесса мы находим в конкретных историко-этнографических фактах. Тем более необходимо учитывать, что дуальная структура включала в себя не только отдельные роды, но и целые племена и даже объединения племен. Очевидно, подобная организация лежала в основе взаимоотношений монголов и ойратов в ранний период их истории. Может быть, именно этим и объясняется утверждение В. Успенского о том, что ойраты (в дальнейшем — зюнгарты) были пастухами и рабами прежних монголов и представляли собой самый низший класс народа¹⁶.

При решении вопроса о внешней или внутренней интеграции дуального типа речь может идти лишь о степени зависимости одних коллективов от других, об уровне эксплуатации. И внешнее, и внутреннее объединение этнически разнородных или же этнически единых сообществ (различие это несущественно) создавали видимость племенного единства. И неудивительно, что даннические отношения и даже само слово «дань» порой назывались «братством»¹⁷.

Появление барун (как части племени, более привилегированной) и зюн (как части, утратившей отдельные, если не все, элементы самостоятельности) идеологически и политически решило проблему локальных конфликтов: зюн подчинились барун. Последние, возможно, обеспечивали безопасность первых. Но по отношению к третьим обществам обе

¹⁵ Вспомним, что привилегированный род брал у своих зависимых «однородцев» девушек в жены. См.: *Рашид-ад-дин*. Указ. раб., т. 1, кн. 1, с. 107; *Владимирцев Б. Я.* Указ. раб., с. 65.

¹⁶ *Успенский В.* Указ. раб., с. 72.

¹⁷ *Перицц А. И.* Указ. раб., с. 222—224, 295.

части всегда выступали единым этническим комплексом. Так, например, действовали все торгоуты в борьбе с дербетами и все калмыки в столкновениях с другими народами. Такими же, на наш взгляд, были взаимоотношения парных подразделений и у арабов: в обычное время между ними наблюдались соперничество, традиционный антагонизм, но в конфликтах с другими племенами они всегда выступали вместе¹⁸.

Постепенно дуальная организация завоевывала себе все больше и больше места в социальной жизни кочевых обществ, внедряясь не только в отдельные коллективы, но и в целые народы. В последнем случае она скоро угасала ввиду полной невозможности сохранения и поддержания ее в таких широких масштабах. Застойность, слабое развитие производительных сил в обществах кочевников, единообразие способа добывания средств к существованию, а возможно, и необходимость объяснения традиционных общественных связей в полупатриархальном обществе — все это способствовало консервации принципов дуальной организации и даже ее возобновлению и функционированию после крупных политических кризисов, которые испытывали кочевые народы, например таких, как перекочевка ойратских племен в Россию, откочевка большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г. и др.

В литературе и источниках упоминается не только дуальная, но и триадная форма организации кочевых обществ, деление их на три части, на три «знамени». Военная организация триадного типа рассмотрена Г. Г. Стратановичем, попытавшимся определить политико-социальное содержание каждой из этих трех частей: правая часть — военнообязанные, левая несла гражданскую службу, а центр превращался в средоточие политической власти¹⁹.

Когда действовала триадная организация кочевого общества: только ли в военное время или также и в мирный период его развития? В 1822 г. у приволжских калмыков была проведена черновая кодификация норм обычного права на основе Монголо-ойратского уложения 1640 г. Согласно мнению двух членов (представителей калмыцкого народа в Комиссии калмыцких дел), калмыки обязаны были кочевать по принципу: каждый в своем роде — зюнах, барунах и *зотарах*, причем Ф. И. Леонтович, называя эти части отделениями, переводит их на русский язык как сотни, сорока и десятки²⁰, что представляется неверным. К тому же и слово *зотар* здесь, очевидно, искаженное переписчиком или наборщиком слово *запсар*, *забсар*, обозначающее середину (букв. — промежуток). Кстати, ниже в этой же работе Ф. И. Леонтович упоминает и термин *забсар*.

Итак, каждый калмык, каждый род или его отделение должны были кочевать в выделенном им месте улуса, в месте, которое определялось их социально-экономическим и политическим положением в структуре калмыцкого общества. И действительно, каждый калмыцкий улус разделялся на три части: *б а р у н* (правая), *з а б с а р* (середина), *з ю н* (левая). В 1751 г., например, Дондук Даши сообщал астраханскому губернатору Брылкину о выделении *бодокчей* (торгового посредника) «из наших трех частей улусов от одной, называемой *запсор*»²¹. Деление улусов на три части было закреплено даже законодательно. Тот же Дондук Даши своими «Дополнениями» к законам 1640 г. потребовал, чтобы каждый жил в своей части — или левой, или правой, или средней. Нарушение этого принципа общежития каралось штрафами и наказанием²². В январе 1772 г. икицохуровские нойоны Асархо и Маши в письмах в губер-

¹⁸ Першиц А. И. Пережитки дуальной организации в родоплеменной структуре арабов. — Сов. этнография, 1958, № 3, с. 91—92.

¹⁹ Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974, с. 223—224, 227—228.

²⁰ Леонтович Ф. И. Указ. раб., с. 69—70, 72.

²¹ ЦГА КАСР, ф. 36, оп. 1, д. 252, л. 187.

²² Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук Даши. СПб., 1880, с. 70.

скую канцелярию дважды утверждали: «главные фамилии нашей торгоутовы улусы на три части разделялись, а именно бароны, запсоры и зюны»²³.

Конечно, после ухода большей части калмыков в 1771 г. из пределов России триадная организация приволжских калмыков претерпела существенные изменения. Но калмыки, принадлежавшие к вышеназванным частям триады, отмечены во всех улусах. Так, в Дондуковских улусах (будущих Багацхуровском и Эркетеневском) кочевало 278 семей «барунов, эркетенями называемых», и «барун шабинеров род»²⁴. В Яндыковском улусе находились кереты-баруны²⁵. Зюны отмечены в Малодербетовском улусе, в Багацхурах. Почти во всех улусах остались забсары²⁶.

Наибольшую живучесть триадная организация обнаружила в Багацхуровском улусе. Известно, например, что в 1818 г. правители этого улуса избирались от трех отделений — барунов, зюнов и забсар-шабинеров²⁷. В 1856 г. багацхуровские баруны насчитывали 196 кибиток, зюны — 651, забсары — 201²⁸. И. Житецкий выделял в Багацхурах барунов, забсаров и зюнов даже в 80-х годах XIX в.²⁹ Таким образом, можно признать, что триадная организация, эта особая структура общественного устройства, существовала у калмыков не только в военное, но и в мирное время и распространялась не только на войско, но и на весь народ.

При анализе триадной организации кочевого общества интерес представляет и ее новый элемент, в данном случае обозначенный термином забсар (середина). Ф. И. Леонтович вслед за Палласом считал людей, входивших в забсар, перебежчиками. Состоявшие в *genti adscriptio*, они переходили из одного родового союза в другой, нередко даже со стадами и рабами³⁰. Леонтович связывает забсар с изгоями (так он называет калмыков, которые освобождались от «стеснительных уз ойратства» и направлялись в привольные места под защиту чужеродных союзов)³¹. Названный исследователь совершенно не связывает забсар с его социально-экономическим и политическим местом в структуре кочевого общества, игнорируя его принадлежность к одной из частей триадной организации калмыцких улусов даже в условиях последней трети XVIII в.

Между тем на основании многочисленных фактов можно утверждать, что забсар по сравнению с зюн и барун — это привилегированная часть кочевнического общества. Управляющий Астраханской губернией Н. Кузнецов докладывал А. Ермолову об этих подразделениях как об «особом классе людей, не несущих никаких податей»³². Его сообщение верифицируется имеющимися сведениями о забсаровом зайсанге Церене Иши, которому Аюка-хан выдал «во все потомство увольнительные письма»³³. Подобный же акт существовал и у багацхуровского калмыка Истанкиева, который давал ему право на свободное кочевание в середине улуса и неподчинение зайсангам³⁴. В этом же плане можно рассматривать и представленную улусным приставом Обловым копию письма, сообщавшую, что находившийся в забсарах калмык Конгол Батырь освобождается от податей и подводной повинности³⁵.

²³ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 23, л. 340 об.; д. 36, л. 282—282 об.

²⁴ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 256, л. 608—608 об.; ф. 33, оп. 1, д. 4, л. 38.

²⁵ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 134, л. 76, 78.

²⁶ Там же, ф. 35, оп. 1, д. 8, л. 90; д. 36, л. 303—303 об.; и др.

²⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 45—46.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 19, оп. 19, д. 25493, л. 23 об.—28.

²⁹ Житецкий И. Астраханские калмыки. Астрахань, 1892, с. 110—111.

³⁰ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин бичик). Одесса, 1879, с. 166.

³¹ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право..., с. 223—224.

³² ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, д. 933, л. 30, 32.

³³ ЦГА КАСР, ф. 33, оп. 1, д. 230, л. 81 об.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 48, л. 33—34.

³⁵ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 2, л. 57.

В списках Большедербетовского улуса за 1822 г. значились калмыки зюн-забсарова отделения, обладавшие привилегиями. Они не имели над собой зайсанга³⁶. Правда, в этом же списке назывались и зюн-забсары без указания на освобождение их от податей. Кроме того, рядом с ними перечислялись шесть кибиток зюн-забсар и две кибитки барун-забсар, употреблявшиеся «для разных улусных рассылок и других надобностей». Указанные выше шесть семей принадлежали к *будульчинерам*, в обязанности которых входила охрана пастбищ, выбор мест для стоянки и т. д.³⁷. Все будульчинеры освобождались от податей и повинностей. В связи с этим можно указать, что еще в 1758 г. дербетовский нойон Галдан Церен освободил от податей две семьи своих подвластных, назвав их «зюни запсором». А такие калмыки, по сообщению одного из зайсангов, не платили податей, хотя и несли государственную службу наравне с теми, к чьему роду или аймаку они были приписаны³⁸.

Многие акты документы, подтверждающие освобождение калмыков от податей, предписывали им находиться «между» или «среди» улусов, аймаков и даже хотонов. Так, калмыкам Джуджи Гецулю и Чолому разрешалось проживать между дербетовскими улусами, «ни под чьим ведомством»³⁹, причем слово «между» в данном случае переводится не как забсар, а как *дунду*⁴⁰. *Дунду цоохор* (между цоохорами) жили, например, «вольными» 27 семей зооцоевых потомков⁴¹. По решению торгоутовского нойона Цебека Убаши калмык Нохончей за свою верность и усердие получил право быть между обоими гурбутами с условием освобождения его от податей и даже от военных походов⁴².

Отметим, что подобные грамоты калмыки получали и до событий 1771 г. Известно, что калмыцкий суд зарго в 1765 г., разбирая причины захвата нойоном Земьяном Мерген Цорджиновых шабинеров, предписал им находиться между Доржи-тайжиным отделением, у кого они сами пожелают⁴³. В 1769 г. нойоны Асархо и Маши дали письмо Бадхаде, в котором сообщали, что по случаю его многократных заслуг он имел право жить «посреди нас на древних правах»⁴⁴. Этот акт в 1828 г. комментировал хошоутовский владделец Ц. Д. Тюмень, депутат Комиссии калмыцких дел. Он подтвердил законность проживания потомков Бадхады среди владельцев «по древним правам», т. е. без уплаты владельческого албана и в средней части улуса, но выразил сомнение по поводу освобождения таких людей от улусных и государственных повинностей.

Приведенный выше материал позволяет выделить забсар как привилегированную часть общества, которая пополнялась членами коллективов зюн и барун в результате получения ими от владельцев или ханов льгот и привилегий и права проживать в центре улуса, «среди владельцев». Часть членов забсар исполняла различные административные функции; вспомним хотя бы забсар-будульчинеров. Если членами забсар становились выходцы из зюневой части, то они именовались зюн-забсар, а из баруновой — барун-забсар⁴⁵. Для более точного определения этнической и территориальной принадлежности забсаров к их общему названию добавлялось и название рода (*анги*), хотона или даже имя зайсанга, или хотонного старшины. Так, в Большедербетовском улусе проживали калмыки зюн-забсарова старшины Мууки, зюн-забсарова

³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 189, л. 38—43 об.; д. 163, л. 29—29 об.

³⁷ Там же, д. 189, л. 58 об.—59; д. 202, л. 223.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 191, л. 121—121 об. Очевидно, в делении казахов на три орды сказались традиции дуальной (триадной) организации казахских племен в прошлом, причем, как свидетельствуют материалы, Средняя орда имела какие-то привилегии в древности. См. Рычков П. И. Указ. раб., т. 107, 109.

³⁹ ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 347—347 об.

⁴⁰ У Г. Г. Стратановича: зюн, барун, дондо.

⁴¹ ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 1, д. 173, л. 1.

⁴² Там же, ф. 33, оп. 1, д. 103, л. 3.

⁴³ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 370, л. 756—756 об.

⁴⁴ ЦГИА СССР, д. 383, оп. 29, д. 50, л. 19—19 об.

⁴⁵ ЦГА КАССР, ф. 33, оп. 1, д. 14, л. 115; д. 234, л. 5; ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 61—62; ф. 1, оп. 1, д. 202, л. 223; ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 3, л. 31—33, 138—139.

анги эркетени, туктунов анги забсар Саги, зюн-забсаровы кебюты, барун-забсар шаретов анги, барун-забсар цоросов род (анги) и т. д.⁴⁶

Каждая часть триады имела определенный круг обязанностей, прав и преимуществ. Именно об этом свидетельствует грамота нойона А. Дондукова, выданная чаеварителю Джамце по поводу назначения его зайсангом баруновой части. Определив условия исполнения зайсангом государственной службы, Дондуков потребовал не присваивать его левой (зюн) и правой (барун), равно и средней (забсар) частям, а служить между тремя обществами самому собой⁴⁷.

Таким образом, дальнейшее развитие общественных отношений приводило к превращению дуальной организации в триадную. Этому способствовало, с одной стороны, известное сближение во всех отношениях зюн и барун, в том числе и в эндогамном плане, а с другой — выделение из первых двух привилегированной части, освобождавшейся от несения различных податей, но выполнявшей эпизодически или постоянно определенные административные обязанности. Эта роль исторически принадлежала середине (забсар, дунду и т. д.). Дуальная организация, продолжая существовать, наполнялась уже иным социальным содержанием. В этом, безусловно, проявлялась зависимость форм субординации кочевых народов от условий их образа жизни.

Какую же роль играла дуальная организация в социальной структуре кочевых народов? Выше уже говорилось, что монгольское племя бахрин заняло левую сторону на курултаях только после того, как потеряло определенные элементы самостоятельности и независимости. Цзун гар войск Чингисхана состоял из подчиненных ему племен и народов⁴⁸. Об этом же писал и Ф. И. Леонтович: левое крыло монгольского войска формировалось из неродственных племен, входивших в состав войска в результате завоевания или каких-либо других причин. Попытаемся реконструировать модель общественного устройства (дуальную организацию) у кочевников на материалах более позднего времени по истории приволжских калмыков. При этом необходимо иметь в виду, что калмыки-ойраты перенесли свое общественное устройство в Россию из Джунгарии и Монголии.

Политика покорения и захватов чужеродных племен и народов практиковалась кочевниками с давних времен⁴⁹. Этой же политики временами придерживались и ойратские (калмыцкие) нойоны, и тайши в российский период их истории. Так, еще в первой половине XVII в. Хо-Орлюк подчинил своей власти многих ногайцев, джембулукских татар, хатай-кипчаков, малибаш и др.⁵⁰ В 1661 г. новый правитель Бунчук присягал России не только за себя, своего отца, племянников и улусных людей, но и за ногайских, едисанских, джембулукских, малибашских, киличинских мурз, их семьи и подвластных им людей.

Не изменилась эта политика и при Аюке-хане, в последней трети XVII — первой четверти XVIII в., и далее при его преемниках⁵¹. Так, среди подданных калмыцких ханов назывались 8 тыс. семей кундровских татар⁵², а также туркмены, бухарские татары. Далеко не все они были

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 3, л. 138—139; ЦГА КАССР, ф. 9, оп. 2, д. 10, л. 61—69.

⁴⁷ ЦГА КАССР, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 2.

⁴⁸ Успенский В. Указ. раб., с. 75—76.

⁴⁹ Владимирцев Б. Я. Чингис-хан. Берлин — Петербург — Москва, 1922, с. 62; Лубсан Данзан. Указ. раб., с. 201, 246, 290; Успенский В. Указ. раб., с. 63, 68; Рашид-ад-дин. Указ. раб., т. 1, кн. 1, с. 92—93, 114—115, 127, 179, 185; т. 1, кн. 2, с. 10, 15, 58, 269, 280 и др.

⁵⁰ Попов П. Краткие замечания о приволжских калмыках. — Журн. Министерства народного просвещения, 1839, ч. XXII, № 4, отд. 2, с. 19.

⁵¹ Архив Ленинградского отд. Ин-та истории АН СССР, ф. 36, оп. 1, д. 435, л. 5 об.; Кочкаев Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973, с. 32; Небольсин П. Очерки Волжского Низовья. — ЖВМД, 1852, ч. 39, с. 59.

⁵² См.: Материалы к истории натуральной Палласа. — ЦГА КАССР, ф. 35, оп. 1, д. 72, л. 99—102.

интегрированы калмыками: очевидно, преобладали лишь внешние формы эксплуатации в виде даней. Известно, например, что туркмены калмыцким ханам «повсегодно подати привозили»⁵³. В 1753 г. Дондук Даши сообщал, что его подданные, мангишлакские туркмены, не только платили подати и «во всяких делах послушны пребывали», но и в настоящее время желают привезти подати и охотничьих птиц⁵⁴.

Однако среди зависимых племен были и такие, которые входили в состав Калмыцкого ханства. Об этом, к примеру, свидетельствует переписка наместника ханства Убаши с астраханским чиновником Бехтевым по поводу двух семей «калмыцкой природы татара», которые находились в Астрахани с их же калмыцкими татарами, называемыми бесулу. Все они платили подати своему владельцу Эмегену Убаши, но в последнее время вышли из подчинения⁵⁵. Даннические отношения подобного типа были наиболее гибкой формой эксплуатации, позволявшей кроме всего прочего разнообразить ассортимент получаемых в виде даней товаров, что в условиях строго моноотраслевого хозяйства имело исключительно важное значение. Своеобразное разделение труда, поддерживаемое иногда силой оружия, закреплялось развитием торговых отношений⁵⁶.

С XVIII в. в положение зависимости от приволжских калмыков и их ханов и нойонов начинают попадать и их однородцы из Джунгарии. В первой трети XVIII в. джунгарский нойон Лоузанг Шоно прибыл на Волгу с тысячью кибиток, но был разграблен ханскими багутами, которые совершенно не обратили внимания на его родственные чувства. Не признав его как родственника, они взяли с него 37 верблюдов, 479 коров и лошадей, 183 барана, 21 лошадь со сбруей, одежду для 12 человек. Жалуясь на поборы, причиненные его калмыкам багутами, Шоно заметил, что последние «другим никому таких обид не чинили»⁵⁷. Таким же образом складывались отношения хана Дондука Даши с нойоном Никмаром. В письме к В. Н. Татищеву Дондук Даши разъяснял, что Никмар не знает о том, что именно ему, хану, были пожалованы улусы Галдана Данжина, и думает, что якобы он, хан, имеет эти улусы «в добычу принять»⁵⁸.

«Принять в добычу» — значит, подчинить своей политической власти и установить произвольную систему поборов. Именно на таких принципах были построены отношения приволжских калмыков с прибывшими на Волгу из Джунгарии нойонами Салдыком, Норбо Цереном, Шеаренгом, ордой джунгаров в количестве 800 человек. Последние были прекрасно осведомлены о бытовавших в среде кочевников формах эксплуатации. Поэтому они предварительно договорились с калмыками, чтобы никто из прибывших джунгаров не был захвачен и владельцы, зайсанги, демчи и шуленги не были разлучены со своими улусными людьми («и не раскасовывать, подати не требовать, кроме единственного в походы употребления...»). Но не успели они появиться на Волге, как хан Дондук со своими калмыками разделили их на части среди торгоутов и «содержали в холопстве»⁵⁹.

Следовательно, налицо факт различного социального и политического положения старых, древних подданных и новых, только вошедших в состав улусов. Те же джунгары, прибывая на Волгу, договаривались с калмыцким ханом, чтобы их «яко и торгоуты содержать велено было».

⁵³ ЦГА КАССР, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 184—184 об.

⁵⁴ Там же, д. 271, л. 544.

⁵⁵ Там же, д. 365, л. 363.

⁵⁶ См.: Карагодин А. И. К истории торговли Астраханского края в первой половине XIX в.— Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки, 1976, № 2; *его же*. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.).— В кн.: Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981.

⁵⁷ ЦГА КАССР, ф. 36, оп. 1, д. 52, л. 139, 220.

⁵⁸ Там же, д. 137, л. 114 об.

⁵⁹ Там же, д. 365, л. 6—6 об.; д. 344, л. 673—673 об.; д. 368, л. 618—619; ф. 35, оп. 1, д. 72, л. 99—102.

Дондук Даши, принимая в 1743 г. во временное управление 1816 кибиток из Багацохуровского улуса, брал на себя обязательство поступать с ними, как с собственными своими калмыками⁶⁰. Кстати, и раздавали и дарили калмыцкие нойоны не старых подданных, а именно новых, вошедших в их улусы на положении неравноправных, зависимых. Тот же Дондук Даши в 1748 г. отдал в вечное и потомственное владение донскому чиновнику Н. Сулину семью из четырех человек, принадлежавшую его политическому противнику: она была из части улусов Дондук Омбо⁶¹.

Структура общественных взаимоотношений в кочевом обществе существенно изменилась в результате событий 1771 г., следствием которых был уход большей части калмыков во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши из пределов России в Джунгарию. На Волге остались его политические противники со своими улусами и часть калмыков, принадлежавших как самому Убаши, так и его сторонникам, которые по различным обстоятельствам не сумели последовать за своими предводителями. Царское правительство, проводя довольно гибкую политику по отношению к калмыцкому господствующему классу, решило раздать последних оставшимся нойонам за верность их Русскому государству, стимулировать тем самым спонтанные процессы феодализации. По Указу от 12 декабря 1771 г. калмыцким нойонам было роздано около 5 тыс. семей (кибиток). Нойон Яндык получил 690 кибиток, Маши и Асархо — 340, А. Дондуков — 1950, Замьян — 754, Тюмень — 257, Дербеты — 454 и т. д.⁶² Очень важный факт из истории этого времени сообщает Ф. И. Леонтович: многие зюнгары, оставшиеся от наместника Убаши в России, присоединились к торгоутовским улусам в составе их левого крыла⁶³. На самом же деле, в этом положении оказались не только зюнгары, но и все другие калмыки, не успевшие за Убаши и розданные затем русским правительством приволжским нойонам. Все они вошли в состав улусов приволжских калмыцких нойонов на положении новых подвластных, неприродных, иноплеменных, неродственных, так называемых *орулх албату* (букв. вошедшие подвластные)⁶⁴. Таким образом, левое крыло приволжских калмыков объединяло прежде всего орулх албату. В новых исторических условиях, когда были нарушены привычные формы субординации в этнически целостных объединениях, построение зюн-барун фактически осуществлялось через взаимоотношение орулх албату — *хуучин албату* (древние, старые, природные подвластные)⁶⁵.

Ф. И. Леонтович признает, что взаимоотношения зюн и барун определялись не только родством, но и интересами взаимной защиты и общими тягловыми отношениями. Если понятие «взаимной защиты» не нуждается в конкретизации, то «общие тягловые отношения» следует определять социально-политическим местом зюн (орулх албату), во многом подчинявшихся барун (хуучин албату) и их нойону. С этих позиций следует объяснять и факт назначения баруновского зайсанга над зюновскими людьми⁶⁶. Таким же по содержанию было и дело зайсанга Боргока, правителя левого поколения. Его столкновения с владельцем Дербетовского улуса закончились передачей зайсанга с аймаком нойону Чучею как награды в счет положенных тому орулх албату⁶⁷.

Чтобы с успехом осуществлять эксплуатацию почти пяти тыс. орулх албату, необходимы были соответствующие сила и власть. Отчасти эту роль играло русское правительство, а точнее его чиновники на местах, астраханские губернаторы с их аппаратом власти. Стабилизация и развитие калмыцкого общества с последней трети XVIII в. происходили на

⁶⁰ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 346, л. 86 об., 128—128 об., 130—130 об.

⁶¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 1, 3, 6.

⁶² Там же, ф. 35, оп. 1, д. 36; д. 43, л. 131—137.

⁶³ Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право..., с. 225.

⁶⁴ Оруд кюн — человек из другого рода.

⁶⁵ Ср. характер взаимоотношений ахагаров и амгидов у туарегов Сахары. См.: Першиц А. И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в.—В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968, с. 339—340.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 9, л. 27—28, 34, 46.

⁶⁷ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 167, л. 14—14 об.

старой основе, но в новых исторических условиях. Это проявилось прежде всего в выделении калмыкам строго определенной территории для кочевания и в установлении неослабного политического контроля русских властей, усилившегося после событий 1771 г.

Однако хотя русские власти и выступали всегда в защиту нойонов, владельцев улусов и орулх албату, но этого было недостаточно. В степи шла своя жизнь, определявшаяся издавна сложившейся структурой подчинения и зависимости. Калмыцкому господствующему классу необходимо было искать опору в собственном стане. Такой опорой стали природные подданные (хуучин албату), угнетение которых если и не прекращалось в такие периоды, то имело фактически символический характер. Эксплуатация почти полностью переносилась на орулх албату. Дальнейшая эволюция внешних форм эксплуатации проявлялась в том, что коллективные формы угнетения соседствовали и развивались одновременно с индивидуальными.

Такой характер классовых отношений особенно ярко выступает в Икицохуровском, Яндыковском, Хошоутовском, Багацохуровском и Дербетовском улусах, где были орулх албату. Уже в 1772 г. владельцы Икицохуровского улуса Асархо и Маши обратились к губернатору Бекетову за поддержкой при назначении рублевого сбора с зажиточных калмыков. События в этом улусе развивались бурно. Хуучин албату, угрожая истребить всех *харахусов* (название одного из отделений, принадлежавших к орулх албату), потребовали от них в «презент» (т. е. холопство) 50 мальчиков и девочек⁶⁸. В 1783 г. нойон Маши взял с харахусов большие подати. Новый губернатор М. Жуков посоветовал нойону содержать своих подданных «в равенстве», чтобы одни перед другими «обижены как в поборах, так и во всем не были»⁶⁹. Губернатору трудно было понять разницу в положении различных групп подвластных нойону людей.

А угнетение орулх албату все время усиливалось. В 1786 г. нойон Цаган Кичик захватил у харахусов много скота и денег и принудил их платить за себя огромные долги армянским ростовщикам. Произвольные поборы, лишение харахусов элементарной правовой защиты были следствием именно их принадлежности к орулх албату, т. е. не природных, древних подвластных, а «пришедших под власть его, владельца».

Неоднократные попытки харахусов изменить свое положение не давали результатов. Дальнейшие события подтвердили наличие среди наследных улусов Асархо и Маши (по официальным данным, в них насчитывалось 996 кибиток) коллективных форм эксплуатации. Подати платили и отправляли повинности только 600 кибиток улуса, а хуучин албату от податей и повинностей владельцем были «отменены». Новый владелец улуса Цебек Убаши, продолжая линию своих предшественников, забирал скот у харахусов, сгонял с мест кочевания, произвольно налагал подати. Он по-прежнему считал их не природными (хуучин албату), а поступившими подвластными (орулх албату). Через все жалобы харахусов проходит требование сравнять их в податях и в правовом отношении с хуучин албату⁷⁰, а позже — с эркетенями.

Последние (около 200 семей) также находились на положении орулх албату и также подвергались «несравненно противу прочих аймаков» поборам со стороны владельцев. Но им удалось через Калмышскую канцелярию добиться ограничения податей двумя рублями с кибитки и кочевания по своему желанию и воле⁷¹. Правда, их новые владельцы и зайсанги по-прежнему считали их в составе орулх албату и на этом основании требовали громадных податей и продолжали притеснять⁷².

⁶⁸ Там же, д. 146, л. 1—2.

⁶⁹ Там же, д. 167, л. 15 об.

⁷⁰ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 26, л. 1—2, 5—6, 15—15 об., 86—86 об. и др.; д. 89, л. 22—22 об. и др.

⁷¹ Там же, д. 9, л. 14—14 об.; д. 5, л. 99 об.—100.

⁷² Там же, д. 84, л. 48; д. 9, л. 25, 29.

Для окончательного выяснения места орулх албату в социальной структуре калмыцкого кочевого общества обратимся к анализу примирительных условий, составленных в 1792 г. харахусами совместно с икицохуровским нойоном Цебеком Убаши. Важность этого документа состоит в том, что он был одобрен обеими сторонами. Против каждого пункта условий владельца излагались обязанности харахусов, и, наоборот, права харахусов тут же подтверждались обязательствами нойона. Условия включали восемь пунктов и охватывали наиболее важные стороны общественной жизни кочевников. Главные из них — размеры податей и принципы кочевания. Сразу скажем, что харахусам не удалось использовать эркетеневский прецедент. По условиям они обязывались платить владельцу по 4 руб. с кибитки в год. Это значительный шаг по сравнению с бывшим их положением орулх албату. Утверждалась фиксированная норма подати. Юридически это достигалось выдачей харахусам расписок с владельческой печатью.

Кроме четырехрублевого сбора харахусы должны были платить по 50 коп. с кибитки на сборы владельца в случае его участия в каких-либо военных походах. В этом же случае владелец получал от харахусов два верблюда, которых должен был вернуть после похода. По смыслу условия харахусовские калмыки в этом вопросе уравнивались с другими подданными нойона, о чем свидетельствует указание на соблюдение очередности при предоставлении верблюдов владельцу. По 50 коп. с кибитки харахусы вносили в доход владельца улуса и при его болезни, поскольку по калмыцкому обычаю весь улус должен осуществлять молебствие (*гурюм*).

Условия примирения обязывали харахусов предоставлять нойону в услуги одного человека.

Особым пунктом определялись принципы кочевания харахусов, согласно которым они получали право кочевать по своей воле, где пожелают. Однако им тут же предписывалось ежемесячно извещать владельца о своем местопребывании. Для харахусов-кочевников важно было, по чьей именно воле они будут кочевать — по своей или же по воле владельца. Кочевать рядом с владельцем, чего он всегда добивался, для простолюдинов означало не только ухудшение мест кочевок (лучшие уголья выделялись владельцу и его приближенным). Совместное кочевание владельца и его подданных предполагало для последних прежде всего массу дополнительных поборов и расходов, усиление подводной повинности и отгонов скота. Кочевание рядом с нойоном обеспечивало ему участие простолюдинов и в обслуживании нойонского хозяйства. Все это, как и выделение постоянного работника, свидетельствовало о появлении начальных форм отработочной ренты.

Примирительные условия⁷³ — это пока еще разновидность даннических отношений, основанных на договорных началах⁷⁴. Заметим здесь же, что ни в одном из пунктов договора ни зайсанг, ни нойон не брали на себя обязанность «призирать» своих подданных, как это делалось по отношению к хуучин албату. Впрочем, примирительные условия, заключенные харахусами с владельцем, действовали недолго. Новые владельцы улуса не считали нужным их исполнять. И уже в 1813 г. поверенные Харахусовского улуса сообщали, что нойон Джиргал налагал на них подати по 30 тыс. руб. в год (их к этому времени было 400 кибиток) и «делал разные несносные стеснения»⁷⁵.

Подобные взаимоотношения хуучин албату и орулх албату наблюдались и в других улусах⁷⁶.

⁷³ Там же, ф. 33, оп. 1, д. 89, л. 42, 46—47 об.

⁷⁴ В Багацохуровском улусе на таких же договорных началах строились взаимоотношения зайсанга Кошту с одним из аймаков. См.: ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 193, л. 7 об., 12—12 об., 16—16 об., 17, 18.

⁷⁵ ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, д. 441, л. 64.

⁷⁶ ЦГА КАСР, ф. 35, оп. 1, д. 23, л. 295; д. 185, л. 336—336 об., 339-а, 339-б. В Хошоутовском улусе из 817 кибиток «собственных» было всего лишь 63. Политика владельца этого улуса Тюменя была настолько успешной, что один из русских чиновников сравнил его управление с лучшими распоряжениями русских помещиков (ЦГА

История приволжских калмыков XIX в. показывает, что постепенно различия в положении хуучин албату (барун) и орулх албату (зюн) стирались. Добившись при помощи хуучин албату полного господства над орулх албату (зюн), владельцы затем включали в орбиту своей эксплуатации и хуучин албату (барун). Вспомним, что еще Аюка-хан старался перемешать различные иноплеменные поколения с подвластными себе калмыками⁷⁷. Б. Я. Владимирцев не раз упоминал о ссоре ойратов и монголов, ссоре левого крыла с правым. Представляет интерес и такой факт: когда Даян-хану (уже утвердившему свою власть в левом крыле) предложили уничтожить и правое, перемешав его с левым, хан ответил: «Если разбить шесть туманов народа, только и оставшихся от древних сорока тем монгольского улуса, то что за выгода будет для меня в том, что стал я хаганом — владыкой всех?» Назвав этот ответ очень интересным, Б. Владимирцев почти никак его не прокомментировал. А речь здесь шла не только о признании традиционного главенства древних (хуучин) монголов, принадлежавших к правому крылу (барун). Живы были еще воспоминания о той силе, которая фактически привела к господству Даян-хана над левым крылом (зюн). Сам же Б. Владимирцев пишет, что первоначально хаганы и царевицы утвердили свою власть в левом крыле монгольского народа. В правом же хозяйничали *сайды*, т. е. местная феодализирующаяся родовая (по Б. Владимирцеву, феодальная) знать. После же усиления и закрепления с помощью барун (хуучин албату) в левой части хан и его наследники добились таких же прав и в правой части, преодолев для этого сопротивление сайдов⁷⁸.

Аналогично развивались события и в большинстве калмыцких улусов. Только там установление господства над хуучин албату — результат времени и политического вмешательства Русского государства.

Таковы в общих чертах эволюция и роль дуальной организации в становлении классовых отношений у кочевых народов. Многочисленные материалы по истории приволжских калмыков показывают пути дальнейшего развития института зюн—барун; значение этой формы субординации для формирования классового строя кочевых народов. Коллективные формы угнетения в связи с изменением условий жизни постепенно уступали место новым отношениям, при которых усиливалось сочетание и взаимопроникновение коллективных и индивидуальных форм эксплуатации, но при растущем удельном весе последних. В процессе подобного синтеза положение зюн (орулх албату) мирными или немирными средствами переносилось господствующей верхушкой и на барун (хуучин албату), а примитивные формы даннических отношений дополнялись затратами отработочной ренты⁷⁹.

КАССР, ф. 2, оп. 2, д. 1, л. 197). Правда, в этом случае нельзя упускать из вида и особенностей формирования земельной собственности в Хошоутовском улусе. См.: *Карагодин А. И.* К вопросу о характере частного землевладения в Калмыкии.— Вестн. Калмыцкого НИИ языка, литературы, истории. Сер. историческая. № 15. Элиста, 1976, с. 39—60.

⁷⁷ Небольсин П. Указ. раб., с. 59.

⁷⁸ Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов..., с. 148, 153—154.

⁷⁹ Согласно К. Марксу, отработочная рента является самой простой формой ренты, «наиболее простой и первоначальной» формой ренты. Продуктовая рента предполагает уже более высокую культуру у непосредственного производителя, более высокую ступень развития его труда и общества вообще. См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 2, с. 352, 358.

А. Я. Гуревич

ЭТНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Одно из наиболее значительных явлений в области развития исторического знания на протяжении последних десятилетий — сближение между родственными, но все же разными научными дисциплинами — этнографией (этнологией) и собственно историей. Взаимодействие это